

Рылеев Кондратий Фёдорович (1795-1826)

Чудак

Источник: Проза русских поэтов XIX века (Сост., подготовка текста и примеч. А.Л. Осповата; Худож. П. С. Сацкий). - М.: Сов. Россия, 1982. - С. 5-6.

О рассказе:

Впервые опубликован: "Невский зритель", ч. V, No 2, отд. "Нравы", с. 160-163.

Подпись: К. Рылеев.

Печатается по тексту первой публикации.

Как заметил Н. О. Лернер, этот рассказ мог послужить одним из сюжетных источников "Евгения Онегина"; примечательно, что "чудак" - устойчивый эпитет героя пушкинского романа (см.: Лернер Н. Рассказы о Пушкине.

[Л.,] 1929, с. 82-86).

Текст прислал Михаил Смирнов, 19 февраля 2006 г.

Угрюмов был странный человек: он ненавидел женщин и, не веря добродетели их, везде поносил прекрасных. За два года пред сим писал он другу своему:

"Представь себе: батюшка было вздумал меня женить и, не сказав мне ни слова, повез к Добронравову. На половине дороги признался он, что едет сватать за меня Лизу, старшую дочь сего старого своего друга, сослуживца и соседа. "Но разве не знаете вы, что сын ваш никогда не намерен жениться?" -- сказал я ему. "Почему?" -- спросил он сурово. "Потому что я ненавижу женщин". -- "Такой вздор и слушать я не хочу. Ты должен непременно жениться, и жениться на Лизе, если не имеешь в виду другой девицы". -- "Но, батюшка, мне ни Лиза, ни кто не нравится: вы сделаете нас несчастными". -- "И это вздор! Женись; я тебе приказываю". -- Так решительно батюшка никогда еще не говорил мне; я заключил, что он решил женить меня во что бы то ни стало! Между тем мы подъехали к дому Добронравовых. Входим и застаем все семейство в гостиной. Лиза имеет вид весьма привлекательный. Что, подумал я, если бы и душевные ее качества соответствовали наружным. Я бы мог быть счастливым... Но мечта, мечта! И я, зная, что батюшка никогда не любит шутить, решился открыться ей самой, что я не могу быть ее супругом. Избрав удобный случай, когда старики удалились, я без дальних околичностей объяснился с ней. Она дала слово -- отказать мне и исполнила оное. Теперь, слава богу, я спокоен. Батюшка не тревожит меня, и я восхищаюсь, что таким образом избавился от ужасного несчастья -- *быть женатым*".

Шутливый друг отвечал чудаку в следующих выражениях:

"С боязнию за тебя читал я последнее письмо твое; оно дышит ненавистью к нежному полу... Или ты забыл, какая участь постигла смельчака Тирезия, дерзнувшего только отдать преимущество мужскому полу пред женским (что он один только и был в состоянии справедливо сделать, быв и мужчиною, и женщиною). Юнона, мстя ему за сие и, вероятно, с тем, дабы он впредь не видел недостатков пола ее, бесчеловечно лишила его зрения, которого, конечно, не променял бы он на дар пророчества, коим за оказанную справедливость наделил его царь богов и человеков. Ревнуя ко благу друзей моих, поставляю себе за священную обязанность предостеречь тебя, дабы ты, говоря впредь о милом поле, был несколько поосторожнее, если только не желаешь на самом себе испытать несчастья Тирезия, тем вернее, что Юноны нашего времени ничуть не снисходительнее и не хуже Юноны лет древних. Красота многих из них ослепительна, и если ты не наделен от Гермеса, подобно Улиссу, чудесною травкою моли, предохраняющею от очарования красоты, то будь уверен, что никакие средства не спасут тебя от сетей какой-нибудь красавицы, следовательно, и от ослепления; даже непобедимое хладнокровие того философа, над которым славная Лаиса, тщетно истощив все средства обольстительного искусства хитрых гетер, сказала наконец, что она взялась прельщать *человека*, а не *статую*.

Так, любезный друг, я боюсь за тебя. Нежный пол, тобою оскорбленный, будет отомщен".

И представьте: боязнь шутливого друга была справедлива! По прошествии года Лиза вышла за Ариста, друга Угрюмова. Посещая их, чудак неприметно влюбился в прежнюю свою невесту и на опыте дознал, что и женщины могут быть добродетельными, ибо Лиза, несмотря на то, что сама пламенно полюбила Угрюмова, осталась верною супругою Ариста, за которого отдана была против желания.
